

Цифровая трансформация политической сферы: анализ западных теорий

Digital transformation of political sphere: an analysis of Western theories

DOI: 10.12737/2587-6295-2026-10-2-118-141

УДК 32.019.5

Получено: 16.05.2026

Одобрено: 29.05.2026

Опубликовано: 25.06.2026

Федорченко С.Н.

Д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Социально-политический анализ и прогнозирование», ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь; научный руководитель образовательной программы «Конфликтология», доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва
e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Fedorchenko S.N.

Doctor of Political Sciences, Leading researcher, Scientific research laboratory "Socio-political analysis and forecasting", Sevastopol State University, Sevastopol; Scientific supervisor of the educational program "Conflictology", Associate Professor of the Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow
e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Юе Чжан

Аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва
e-mail: zhangyue321@mail.ru

Yue Zhang

Postgraduate student of the Department of History and Theory of Politics of the Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow
e-mail: zhangyue321@mail.ru

Аннотация

Целью статьи является выявление особенностей западных теорий, касающихся проблем цифровой трансформации политической сферы. Авторами используются принципы *герменевтического метода*, необходимого для определения, анализа ключевых идей, специфики западных теоретических конструкций, объясняющих механизмы цифровой трансформации политической сферы и ее конкретных политических процессов. Герменевтический метод сочетается авторами с приемами критического дискус-анализа академической литературы. Путём систематизации и оценки ключевых положений и внутренних противоречий основных теоретических кластеров, охватывающих пять аспектов — власть и политику, государство, политическое участие, политическую пропаганду и международные отношения, — проводится систематический анализ западных теорий, касающихся цифровой трансформации политических процессов. Эти теоретические построения, демонстрируя свою проницательность, одновременно имеют некоторые общие

характеристики и ограничения. В *выводах* подчеркивается, что многие западные теории имплицитно следуют философии технологического детерминизма, склоняясь к изображению цифровых технологий как некой трансформационной силы, обладающей внутренней и почти автономной логикой. Это может привести к недооценке регулирующей роли политических, экономических и социальных институтов в применении технологий, игнорированию устойчивости самой политики, субъектности человека и множественности путей глобального развития. Данное исследование не только направлено на картирование текущей ситуации в западных теоретических конструктах, но и стремится выявить общие границы объяснительной способности и потенциальные слепые пятна, чтобы заложить основу для поиска более сбалансированной и объективной аналитической рамки между технологическим акселерационизмом и политической рефлексией. Также авторы предлагают анализировать глубокие изменения в политической сфере через категорию цифровой трансформации, а не просто цифровизации. Исследование подтвердило авторское предположение о том, что западные теории, рассматривая политическую сферу в рамках привычной категории цифровизации, описывают более фундаментальные, далекоидущие последствия для власти и политики, по сути, затрагивая проблему цифровой трансформации политических процессов. Однако дальнейшие шаги в анализе цифровой трансформации политической сферы, её процессов ограничивает технологический детерминизм западных теоретических конструктов, что означает необходимость переосмысления подобных теорий и их терминологического инструментария.

Ключевые слова: западная политическая наука, цифровая трансформация, политический процесс, политическая сфера, цифровизация, западные политические теории, цифровизация политики, цифровизация власти, алгоритмы, теории цифровизации.

Abstract

The *purpose* of the article is to identify the features of Western theories concerning the problems of digital transformation of political processes. The authors use the principles of the *hermeneutic method*, which is necessary to identify and analyze key ideas and the specifics of Western theoretical constructions explaining the mechanisms of digital transformation of the political sphere and its specific political processes. The hermeneutic method is combined by the authors with the techniques of critical discourse analysis of academic literature. By systematically sorting and evaluating the key propositions and internal tensions of major theoretical clusters, covering five aspects - power politics, state, democratic participation, political propaganda, and international relations - a systematic examination of Western theories concerning the digital transformation of political processes is conducted. These theoretical constructs, while demonstrating their insights, also reveal some common characteristics and limitations. The *conclusions* emphasize that many Western theories implicitly follow the philosophy of technological determinism, tending to portray digital technologies as a kind of transformational force with an internal and almost autonomous logic. This can lead to an underestimation of the regulatory role of political, economic and social institutions in the application of technology, ignoring the sustainability of politics itself, human subjectivity and the multiplicity of ways of global development. This study is not only aimed at mapping the current situation in Western theoretical constructs, but also seeks to identify common boundaries of explanatory ability and potential blind spots in order to lay the foundation for the search for a more balanced and objective analytical framework between technological accelerationism and political reflection. The authors also propose analyzing profound changes in political sphere through the category of digital transformation, rather than just digitalization. The study confirmed the author's assumption that Western theories, considering the political sphere within the framework of the usual category of digitalization, describe more fundamental, far-reaching consequences for government and politics, in fact, addressing the problem of digital transformation of political processes. However, further steps in the analysis of the digital transformation of the political sphere and its processes are limited by the technological determinism of Western theoretical constructs, which means the need to rethink such theories and their terminological tools.

Keywords: Western political science, digital transformation, political process, political sphere, digitalization, Western political theories, digitalization of politics, digitalization of power, algorithms, theories of digitalization.

*...Как ни избегают люди единения,
всё же им не уйти от него, ибо природа сильнее их.*
Марк Аврелий, «Наедине с собой. Размышления». Книга IX. 9¹

Введение

Политическая наука всё больше сталкивается с вызовами цифровых метаморфоз, спровоцированными активностью технологического корпоративного сектора, развитием цифровых платформ и коммуникаций, а также последними исследованиями в области искусственного интеллекта. Во-первых, такие центральные категории классических теорий политической науки как политическое участие, государство, публичная сфера, партии, суверенитет, политическое управление, демократия уже затрагиваются происходящими цифровыми изменениями. Во-вторых, некоторые авторы пишут о ловушках цифровой трансформации для политической науки: некорректном сужении исследований цифровизации только к аспекту Интернета; излишней сосредоточенности на технологиях при игнорировании современных тенденций в развитии технологий, забвении теоретических наработок, уже осмысливающих технически обусловленные изменения; недостаточном признании политического характера самой цифровизации [20]. Важным направлением политических теорий выступает и прогностика, прогнозирование изменений в политических институтах, процессах из-за наступившей цифровизации общества. По этим причинам от способности теоретических конструктов, моделей, рабочего терминологического аппарата адекватно объяснять, интерпретировать особенности воздействия цифровой трансформации на политические процессы зависит будущее политической науки.

Понятие «цифровая трансформация» (digital transformation) очень схоже с термином «цифровизация» (digitalization), но связано с более фундаментальными изменениями в политике, экономике и культуре. Цифровизация на деле приводит к цифровой поддержке, сопровождению политической сферы, базовых политических процессов, тогда как цифровая трансформация способствует более важным, коренным изменениям во власти и политике. Самое интересное, что под влияние цифровых изменений попадает не просто сама политическая сфера, а ее конкретные политические процессы, отражающие в основном динамическое состояние политики, политических институтов. Такой феномен заставляет задуматься об акселерационных эффектах в политике с их разными последствиями для традиционного общества и государства - от позитивных до негативных. Если в российских исследованиях (А.И. Соловьев, А.А. Борисенков и др.), политический процесс преимущественно описывается в широком формате - через последовательный, динамический характер действий, касающихся решений, политического влияния [1], то в западных работах (Джефф Гудвин, Джеймс Джаспер и др.) та же теория политического процесса (Political Process Theories, часто сокращенно PPT) делает большую ставку на объяснение общественных, политических движений, в том числе гражданской мобилизации протестного типа [30].

Условно говоря, политические процессы — это последовательные изменения, происходящие с властью, государством, его правительством, партиями, разными формами политического участия, международными отношениями. Это такие процессы как постепенная эволюция власти и политики, развитие государственного управления, секьюритизация, партийное строительство, развитие политического участия, развитие политической пропаганды, международные процессы. Например, затрагиваемый в данной статье процесс постепенной эволюции власти и политики связан с асимметриями в отношениях между людьми и социальными группами, субъект-объектными отношениями, политической

¹ Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления. / Пер. с греч. С. Роговина. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 118.

субъектностью. Государственно-управленческий процесс имеет прямое отношение к механизмам, процедурам принятия политических решений. С государственно-управленческим процессом связана и секьюритизация - процесс постепенного развития и усиления систем обеспечения безопасности. Секьюритизация относится не только к международным отношениям, но и к политике обеспечения безопасности государства, городской политике. Процесс партийного строительства пересекается со сферой трансформации политического участия, электоральных процессов, развития новых технологий политической пропаганды. Любопытно понять, как меняет глубокая цифровая трансформация эти политические процессы: ускоряет, замедляет, приводит к деструктивным либо позитивным последствиям? Поэтому интересно выяснить, как современные теории объясняют эту взаимосвязь политики и цифровизации.

Конечно, в современной политической науке сложно предложить что-то наподобие «теории всего» (теории струн, теории петлевой квантовой гравитации). Для этого нужно не только больше оригинальных и новаторских концептуализаций, связанных с эмпирическими наблюдениями за происходящей цифровой трансформацией политической сферы и политических процессов, но и более серьезная междисциплинарная вовлеченность политологов в совместные проекты с другими специалистами в области социологии, кибернетики, антропологии, нейронных сетей, психологии, философии, культурологии. И всё же среди западных авторов возникают время от времени примечательные попытки создать широкие обобщающие теоретические конструкции, поясняющие связь цифровой сферы и меняющихся конкретных политических процессов. Хотя большинство теоретических построений в политической науке (и не только западной) все же остаются на уровне изучения цифровизации, все же появляются научные труды о более глубокой цифровой трансформации политической сферы².

Катарина Гидлунд и Лейф Сундберг из Средне-Шведского университета [29], развивая модель американского политолога Лэнгдона Уиннера, подчеркивают, что цифровизацию логично анализировать через три проблемные области: (1) цифровые артефакты и объекты (компьютеры, смартфоны, оптоволокно), (2) цифровые техники (цифровые платформы, методы цифровых платежей) и (3) социальные структуры (трансформации таких социальных институтов как государство, идентичность и работа). В отличие от этих шведских авторов, Рокко Белланова, профессор из Брюссельского свободного университета, пишет, что понять сущность взаимосвязи политического и цифрового миров можно через изучение проблематики защиты данных. Аспект управления данными, предполагающий их защиту, позволяет включать в аналитический фокус не только нюансы управления посредством алгоритмов, но и вопросы самих цифровых данных. Политика защиты данных, по предположению Беллановы, включает субъекты данных (граждан) и их персональные данные, подразумевает внедрение технологии повышения конфиденциальности, а также оценку влияния на конфиденциальность [18].

Иногда новые западные теории развивают тезисы, идеи прежних популярных теоретических конструкций. Например, модель гегемонистской цифровизации [33]

² Verhoef P.C., Broekhuizen T., Bart Y., Bhattacharya A., Dong Q.J., Fabian N., Haenlein M. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda // *Journal of Business Research*. 2021. Vol.122. P. 889-901. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.09.022; Bressanelli E., Buzzelli G., Muccilli D.P., Sacchi S. The party politics of the digital transformation: insights from the Italian case // *Contemporary Italian Politic*. 2025. P. 1–21. DOI: 10.1080/23248823.2025.2535211. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23248823.2025.2535211#abstract> (16.02.2026); Desai A., Manoharan A.P. Digital Transformation and Public Administration: The Impacts of India's Digital Public Infrastructure // *International Journal of Public Administration*. 2024. Vol. 47. Iss. 9. 575–578. DOI: 10.1080/01900692.2024.2350762; Zakharov V., Zalivansky B., Sapryka V., Samokhvalova E. Digital transformation of public administration in Russia // *SHS Web of Conferences*. 2021. Vol. 128(1). P. 6. URL: https://www.researchgate.net/publication/357081195_Digital_transformation_of_public_administration_in_Russia (16.02.2026); Hafel M. Digital Transformation in Politics and Governance in Indonesia: Opportunities and Challenges in the Era of Technological Disruption // *Society*. 2023. Vol. 11. Iss. 2. P. 742-757. DOI: 10.33019/society.v11i2.577. URL: <https://societyfisipubb.id/index.php/society/article/view/577> (16.02.2026).

отталкивается от известной теории гегемонии итальянского марксиста Антонио Грамши. По мнению авторов данной концепции, гегемонистская цифровизация проявляется в склонности принимать цифровые новации как нечто должное, неизбежное и сопровождается принуждением социальных групп соблюдать определенные процедуры. Такая цифровизация обосновывается неолиберальными дискурсами об эффективности, индивидуализации, пресекая качественные политические изменения в самом правительстве. Поразительно, но подобные протестантские идеи предопределённости, неизбежности, встречающиеся в западных теориях, объясняющих роль алгоритмов, искусственного интеллекта, цифровых коммуникаций, Интернета вещей очень схожи с древнеримским нарративом неотвратимого, рокового и слепого Фатума, разительно отличающегося от древнегреческого нарратива Ананке, допускающего более активную роль человека в обществе [3]. Поэтому при рассмотрении западных теорий будет интересно уточнить, насколько эта предопределённость власти алгоритмов может сочетаться с идеями цифровой демократии. Не возникает ли здесь противоречия?

В западных политических теориях о цифровизации, цифровой трансформации политической сферы, конкретных политических процессов часто акцентируется внимание на пересечении макроструктур и технологического детерминизма, однако зачастую упускается из виду субъектная активность рядовых граждан. Либо, идеализируя сетевую активность граждан, обходят стороной алгоритмическую власть технологических корпораций. Эти теории могут чрезмерно подчеркивать гетерогенное воздействие технологий, игнорируя новые механизмы консультаций, формирующиеся в цифровом обществе. И все же будущие теоретические разработки должны уделять больше внимания прозрачности и подотчетности алгоритмического управления, а не просто рассматривать его как непреодолимую силу.

Таким образом, целью статьи является выявление особенностей западных теорий, касающихся проблем цифровой трансформации политической сферы.

Методологический фокус

Авторами применяется ансамблирование принципов герменевтического метода и метода критического дискурс-анализа. Следовательно, выбранный методологический фокус предполагает работу с материалами академических работ через две основные аналитические процедуры: герменевтическую и критическую.

(1) Герменевтическая процедура подразумевала выявление западных теорий, ориентированных на объяснение цифровой трансформации политической сферы. В качестве основного признака западных теорий была определена аффилиация их авторов с университетами, исследовательскими центрами, академическим сообществом стран Запада (в основном из США и Западной Европы), а не просто страна происхождения и национальность учёных. Затем в ходе поиска «центрального высказывания» и наиболее однозначных тезисов в авторских текстах из них отбирались, сопоставлялись базовые научные категории, термины, из которых состояли теоретические конструкции западных ученых. Тезисы западных авторов изучались с точки зрения их соответствия «нормальным формам» [9, с. 148-151]. Это означало, что ключевые категории западных теорий определялись (или нет) типичными, закономерными и сопоставимыми с другими значениями, интерпретирующими политические процессы, институты, явления и феномены. Обращение к герменевтической процедуре предусматривало проведение первичного аналитического зондирования западных теоретических моделей для выявления их схожих и специфических смысловых характеристик. Динамическая логика политического процесса фиксировалась в представлениях западных авторов об изменении ключевых компонентов политической сферы - власти, политики, государства, политического участия, политической пропаганды, международных отношений под влиянием происходящих цифровых трансформаций. Для простоты цифровая трансформация соотносилась с цифровизацией, хотя первое явление - более глубокое по своей сути.

По итогу аналитического зондирования все западные теории, объясняющие цифровую трансформацию политической сферы, были условно проклассифицированы на следующие проблемные кластеры:

- «власть и политика»;
- «государство»;
- «политическое участие»;
- «политическая пропаганда»;
- «международные отношения».

По сути, отобранные условные кластеры политической сферы касаются соответствующих традиционных политических процессов, подвергающихся цифровым трансформациям. От эволюции власти и политики, развития государственного управления, секьюритизации до развития политического участия, пропаганды, партийного строительства и международных процессов.

(2) Критическая процедура предполагала оценку западных теоретических конструкций с ракурса взвешенной критической позиции. Такой аналитический прием означал поиск «слабых мест» в западных теориях, несоответствие их объяснения существующим тенденциям в цифровой трансформации политической сферы. Отслеживалась противоречивость, а также устарелость некоторых тезисов, положений по поводу цифровой трансформации политики, власти, государства, партий, демократии, пропаганды и международных отношений. В первую очередь авторов интересовало, может ли конкретный кластер западных теорий объективно объяснить: (а) причины, (б) особенности и (в) последствия цифровой трансформации для общества и государства. Важно было понять, хорошо ли справляются западные теоретические конструкции с пониманием не только перспектив, потенциалов, но и рисков, угроз, вызовов цифровизации. Такая оценка западных теоретических схем проводилась исходя из реалий существующих акторов, бенефициаров цифровизации традиционных политических процессов и политических институтов. В качестве подобных бенефициаров масштабной, форсированной цифровизации авторами определяются крупные технологические корпорации, связанные с ними лоббистские группы, а не только такой традиционный политический институт как государство.

К сожалению, большинство западных исследований четко не отличают простую цифровизацию от более глубокой цифровой трансформации. Однако алгоритмы, искусственный интеллект, Интернет вещей, блокчейн, предиктивная аналитика, автоматизация коренным образом меняют традиционные политические процессы (электоральные, государственно-управленческие, международные и др.). Поэтому можно предположить, что, если цифровизация является первым, то цифровая трансформация выступает вторым, более современным этапом изменений политического процесса. Самое парадоксальное, что западные теории рассматривают политическую сферу, политические процессы в рамках известной категории цифровизации, однако описывают более фундаментальные, далекоидущие последствия для власти и политики, затрагивая, по сути, цифровую трансформацию политической сферы. Данная работа также проверит это предположение.

Интересно понять, насколько западные теоретические конструкции объясняют некоторые актуальные проблемы, схватывают их суть. К примеру, если политика связана с отношениями по поводу власти, политической субъектностью, то кто является активным субъектом в условиях масштабной цифровой трансформации мира? Влияет ли цифровизация на природу, сущность властных, иерархичных отношений между субъектом и объектом власти? Меняют ли крупные технологические корпорации, как бенефициары цифровизации, в политической сфере соотношение между *politics* (политикой как борьбой за власть), *policy* (политикой как искусством управления, решений, как курсом, стратегией, распределением ресурсов) и *polity* (политикой как сообществом, формой политической организации)? Трансформируются или нет под влиянием технологических корпораций институт

представительства, политических партий, система международных отношений, геополитика, сам международный порядок?

Власть и политика

Наиболее фундаментальным трендом цифровой трансформации политической сферы, по нашему мнению, являются те изменения, которые тесно связаны властью и политикой. Важно подчеркнуть, что власть и политика — это важнейшие категории современной политической науки, поэтому все тренды, эффекты, влияющие на них, необходимо отслеживать и анализировать в первую очередь. На основании этого отправного тезиса наш анализ логично начать именно с кластера западных теорий, рассматривающих цифровые метаморфозы власти и политики. К ним, прежде всего, можно отнести теории киберократии (cyberocracy), алгократии (algocracy), цифровой власти (digital power), инструментальной власти и программируемой политики.

Логично начать с теории киберократии, предложенной американским исследователем Дэвидом Ронфельдтом. По его мнению, киберократия — это новый шаг в политической эволюции, особое «правление посредством информации» [45, р. 244], которое он противопоставляет традиционной системе бюрократии. Ронфельдт предположил, что трансформация традиционной политической власти возможна по причине перехода информации, контроля на уровень самих принципов власти. К признакам наступающей киберократии он относит гибридизацию частной и государственной сфер; практику использования информационных технологий для управления политическим поведением; возрастание научного знания и аналитических навыков. При этом Ронфельдт не может точно сказать, к чему приведет такая киберократия - к демократическим или недемократическим формам политики. Позже Пауль Немитц в своей теории цифровой власти (digital power) высказался об этом более однозначно. Он пишет, что крупные технологические корпорации посредством финансовых рычагов, установления монополистических отношений, анализа пользовательского поведения, профилирования, влияния на общественный дискурс и доминирования в области технологий искусственного интеллекта создают непосредственную угрозу для традиционной демократии [42]. Американская исследовательница Шошанна Зубофф в рамках своей теории капитализма слежения (или надзорного капитализма) обнаружила аналогичную трансформацию власти. Центральной категорией теории Зубофф является понятие «инструментальной власти», использующейся крупными технологическими корпорациями для изучения, прогнозирования поведения пользователей путем анализа их данных (лайков, комментариев, просмотров ресурсов и т.п.) посредством машинного интеллекта. Зубофф считает, что такая инструментальная власть практикуется корпорациями для корректировки поведения пользователей [5, с. 125 - 131].

Теоретическая модель алгократии Аниша Аниша, профессора Университета Оригона, в некотором плане схожа с идеей киберократии, так как противопоставляется бюрократии, традиционному управлению, но есть некоторые отличия. Эта модель все же ближе к более современным тезисам о цифровой и инструментальной власти. Согласно Анишу, повышение значения логики программного кода и алгоритмов в социальных отношениях создает условия возникновения алгократии. Аниш, в отличие от Ронфельдта, сосредоточился не на информации как таковой, а на возрастании в обществе роли особых алгократических организаций, практикующих программный код, алгоритмы и распределенную посредством серверов систему труда. В модели алгократии шаблоны для социальных отношений между людьми начинают конструировать алгоритмы, а труд преобразуется в цифровой код [12]. Хотя тезис Аниша о том, что власть перестает зависеть от легитимности из-за формирования алгоритмами коммуникационных каналов и самой социальной среды, спорен и нуждается в лучшем пояснении. Джон Данахер из ирландского Университета Голуэй в отличие от Аниша предположил, что такая формирующаяся алгократия несет для общества больше не перспектив, а вызовов по причине проблем конфиденциальности, владения данными и непрозрачности алгоритмов [23]. У профессора Йоркского университета Дэвида Бира

встречаются аналогичные идеи о социальной власти алгоритмов [15], базирующейся на принципах ранжирования, классификации, сортировке информации, а также прогнозирования действий людей. По Биру, особенностью социальной власти алгоритмов является рекурсивность, при которой результаты анализа социальной информации попадают в зависимость от предыдущей обработки данных, проводимой алгоритмами [16]. Такие работы — это описание не прежней цифровизации, а более глубокого явления - цифровой трансформации.

Теодор Лехтерман из испанского университета IE, критически рассматривая идеи политического теоретика Джейми Сасскинда и физика Сезара Идалго, идет дальше теоретической рамки алгократии и в своей работе касается отдельной категории алгократа (algocrat) - интеллектуальной системы, которая гипотетически может заменить политиков как политических представителей граждан, но не исключает, по его предположению, рисков, ошибок со стороны алгоритмов, а также угроз устранения из автоматизированного, по сути, политического процесса самого человека [36]. Как видно, теория алгократии активно развивается. С центральной идеей алгократии очевидно связана новая теория программируемой политики, согласно которой в современном мире происходит переход от цифровой политики (digital politics), означающей первичный этап интеграции социальных сетей в политические действия и политический дискурс, к программируемой политике (programmable politics), характеризующейся возрастанием роли нечеловеческих компонентов в политической сфере - алгоритмов, цифровых платформ, искусственного интеллекта. Политика преобразуется в код программирования, который, в свою очередь, меняет традиционную политику [37]. Нам представляется важным заметить, что такой нарратив власти алгоритмов, алгоритмического управления обществом, алгоритмизации власти, предиктивной аналитики, предопределённости алгоритмом решения за человека отчасти вступает в противоречие не только с западными традиционными теориями демократии, но и с нарративом сети, сетевой основы цифровой демократии, о котором будет сказано в кластере, посвящённом политическому участию.

Часто в своих обобщающих схемах западные исследователи пытаются найти нечто общее между политикой и цифровой сферой. Так, ещё одна новая теория цифровой констелляции (digital constellation), предложенная немецкими учёными, отталкивается от тезиса, согласно которому взаимосвязь между политикой и цифровыми технологиями логично рассматривать как исторически обусловленный процесс взаимодействия политической, социальной и технической деятельности. Модель цифровой констелляции учитывает три уровня проблемы: уровень свойств цифровых технологий; уровень пространств возможностей; уровень социально-политической конфигурации [19]. Мало того, в рамках модели цифрового двойника как политической технологии (digital twin as a political technology) профессор Даремского университета Луиза Амур предположила, что цифровые двойники создают новые типы взаимодействия людей и предметов благодаря потокам неструктурированных данных, формируя не точную копию мира, а только его достаточную правдоподобность, ориентируясь на прогнозирование [11]. Цифровой двойник становится новой формой управления поведением, регулирования и ограничения неких возможностей.

Таким образом, в кластере западных теорий, рассматривающих цифровизацию власти и политики, много общих идей об автоматизации политического процесса, возрастании социальной роли алгоритмов, программируемой политике, использовании пользовательских данных для анализа, прогнозирования и корректировки их поведения.

Данные теории убедительно раскрывают возникающие формы власти и сопутствующие риски. Эти аналитические рамки имеют ключевое значение для понимания сосуществования децентрализации и рецентрализации, вызванных цифровой трансформацией, а также тенденций автоматизированного управления. Однако в этих теориях также присутствуют существенные пробелы и ограничения. Их объяснительный потенциал ослабляется излишней сосредоточенностью на технологической логике при относительном игнорировании политической позитивности, упрощением некоторых концепций или их внутренними

противоречиями, что ограничивает их способность к всестороннему осмыслению разнообразных и динамично развивающихся траекторий цифровой трансформации в глобальном масштабе. Например, модель алгократии Аниша подчеркивает, что алгоритмы конструируют социальные отношения, и утверждает, что власть вследствие этого больше не зависит от легитимности. Этот тезис является чрезмерно категоричным, игнорируя тот факт, что сами алгоритмические системы по-прежнему требуют встраивания в социально-правовые нормы и могут порождать новые споры о легитимности. Теории алгократа и программируемой политики демонстрируют склонность к технологическому детерминизму³, изображая алгоритмы и цифровые технологии как некие автономные силы, обладающие внутренней логикой, что может недооценивать регулирующую роль политических, экономических и социальных институтов в применении технологий и последствиях такого применения. Кроме того, внутри этих теорий наблюдается нарративное противоречие: с одной стороны, присутствует видение цифровой демократии, основанное на сетевых структурах и равноправном участии, с другой — акцент на реальности «алгоритмической власти», характеризующейся централизацией и предустановленным контролем.

Государство

Второй кластер, в формате которого необходимо рассмотреть близкие западные теории, нас отсылает к проблеме цифровой трансформации государства. Конечно, как уже было отмечено ранее, цифровая трансформация власти и политики обладает более значимым, фундаментальным характером для всей политической сферы. Вместе с тем, изменения государства как ключевого политического института, дошедшего до нас с глубокой древности, также имеют первостепенную значимость для современной теоретической и прикладной политической науки. Как ни странно, полноценных западных теорий, ориентированных на объяснение цифровой трансформации государства, пока не сложилось. Вместе этого есть целая плеяда работ об электронном правительстве, государственных технологиях (GovTech), использовании цифровых платформ в качестве посредников между гражданами и органами государственной власти [46]. Приходится констатировать, что цифровые изменения, касающиеся государства, пока объясняются западными авторами через уже известные и зарекомендовавшие себя в академической среде теории (акторно-сетевую теорию, теорию социально-технических систем, теорию диффузии инновации, теорию принятия и использования технологий и т.п.).

Тем не менее, в западном академическом сообществе постепенно появляются и более оригинальные теоретические конструкции, посвященные именно цифровым метаморфозам государства. Так, профессор Айона Датта из Университетского колледжа Лондона предложила теоретическую модель цифровизируемого государства (digitalising state). Основная идея Датты - в некоторых случаях (как, например, в странах Глобального Юга) цифровизация государства происходит как урбанизация (digitalising-as-urbanisation). Причем осуществляемая государством цифровая трансформация показывает противоречивый характер на периферии мегаполисов. Посредством цифровизации как урбанизации государство осуществляет власть над мегаполисами, взаимодействуя с крупными технологическими корпорациями [24]. Государство начинает контролировать информационную сферу через два направления - управление информационными инфраструктурами и управление информационными перифериями. Цифровизация государства, по мнению Датты, усиливается и укрепляется с помощью его партнерства с так называемым пара-государством (para-state), состоящим из крупных корпораций, частных консультантов, привлекаемых в государственные структуры. В результате таких процессов

³ Ellul J. The technological society. New York: Vintage Books, 1964. 449 p.; Chandler D. Technological or Media Determinism. URL: <https://shaunlebron.github.io/chandler-1995.pdf> (accessed: 28.02.2026); Горюнов А.В. Информационные технологии и общество, или состоятелен ли технологический детерминизм? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. №8(14). Ч. 1. С. 54-58.

государство становится более децентрализованным и фрагментированным, а информация превращается в новый капитал, обращение которого обеспечивается цифровыми инфраструктурами.

Западные теоретические построения о государстве также касаются классификаций и концепций политических режимов. Вероятно, теории политических режимов могут лучше объяснить специфику того или иного государственного механизма, однако идеологические спекуляции, вызванные в свое время попытками западных политологов жестко поделить все политические режимы на «неправильные» тоталитарные, авторитарные и «правильные» демократические, спровоцировали академическую дискуссию и запрос на объективную реконцептуализацию в различных странах. Тем не менее некоторые западные авторы по-прежнему стараются связать цифровизацию или цифровую трансформацию с противопоставлением разных политических режимов. Например, концепция авторитарного информационализма (*authoritarian informationalism*) фокусируется на цифровых приемах современной власти по скрытому, децентрализованному наблюдению за населением, цензуре, точному контролю информации и манипуляции поведением [26]. Такой подход включает идею гибридизации государственных и частных акторов в применении цифровых форм воздействия на общество. Определения во многом схожих терминов цифрового подавления, техноавторитаризма, сетевого авторитаризма в основном отражают основные положения всё той же теории цифрового авторитаризма, описываемого как механизма, сочетающего государственных и негосударственных акторов, цифровых приемов, репрессивных практик по ограничению прав и свобод граждан. При этом в качестве доказательств существования цифрового авторитаризма западные авторы часто ссылаются на кейсы Китая или России [43]. Западная идея цифрового тоталитаризма вовсе плохо проработана и концептуализирована. Авторы пока чётко не объясняют, чем цифровой тоталитаризм отличается от цифрового авторитаризма, в основном описывая цифровые манипуляции массовым сознанием, угрозы демократии, цифровые условия асимметрии власти [25]. Но не исключено, что спорная и неоднозначная теория цифрового тоталитаризма получит своё новое значение при переключении на новые формы цифрового контроля со стороны крупных технологических корпораций.

Западные теоретические дискуссии о цифровом авторитаризме, хотя и представляют определённую ценность в плане предупреждения потенциальных злоупотреблений цифровыми технологиями, также содержат ряд ограничений и спорных моментов.

Во-первых, определение «цифрового авторитаризма» зачастую является чрезмерно расплывчатым и лишённым чётких границ. В практическом плане отсутствует ясное теоретическое объяснение механизмов того, как именно цифровые технологии трансформируются в скрытый, децентрализованный надзор или прецизионный контроль. Излагая роль цифровых технологий как инструмента контроля, эти теории зачастую игнорируют нейтральный характер самой технологии и её сложную социальную укорененность. Западные учёные склонны трактовать применение цифровых технологий как некий «чёрный ящик», вместо того чтобы исследовать фундаментальные вопросы, такие как производство технологий, право собственности на данные и алгоритмические предубеждения.

Во-вторых, западные страны сами используют сходные технологии цифрового наблюдения. Хотя западные исследователи часто отделяют это от авторитаризма, апеллируя к децентрализующей природе технологий, на практике их применение технологий столь же интрузивно. Например, США через программу «разведки» осуществляли глобальный перехват и анализ интернет-трафика в массовых масштабах, а Великобритания запустила аналогичную программу «Tempora». Следовательно, использование технологий цифрового наблюдения не является исключительной прерогативой какого-либо одного политического режима, политической системы, а представляет собой глобальный инструмент управления.

Другим направлением аналитического поиска выступает ряд западных теорий, описывающих феномен неофеодализма или технофеодализма. К примеру, американский политолог Джоди Дин в контексте идеи о «парцелляции суверенитета» пишет

о трансформации государства из-за фрагментации его функций и одновременном росте влияния крупных технологических корпораций, называемых ею новыми феодалами [4]. Греческий автор Янис Варуфакис фиксирует похожие явления, выдвинув концепцию технофеодализма. Хотя метафора нового феодализма нам напоминает именно об феодальном государстве, но Варуфакис недостаточно объясняет свою отсылку к средневековой истории государства в сравнении именно с современным государством. Исследователь уверен, что условия пандемии и государственные инвестиции в технологические корпорации создали особый «облачный» капитал, при котором «облачные» феодалы в виде технологических корпораций используют труд «облачных» пролетариев - наемных работников, бесплатный труд в виде генерируемого контента «облачных» крепостных, превращая остальные виды бизнеса в своих вассалов, зависимых от их цифровых ресурсов [2, с. 100-115]. Варуфакис подробно останавливается на истории капитализма, описании феномена технофеодализма крупных корпораций, но, к сожалению, меньше пишет о государстве, сталкивающимся с этим технофеодализмом, хотя Мариана Маццукато из Университетского колледжа Лондона в своей монографии очень хорошо показала, как с помощью государственной политики, государственных инвестиций в венчурные проекты крупные технологические корпорации усилили свою роль [8, с. 278-285].

Теория технофеодализма имеет существенный недостаток в объяснении цифровой трансформации государства. В то время как Варуфакис рассматривает технологических гигантов как «облачных феодалов», фокусируясь на их отношениях с «облачными пролетариями» и «крепостными», он упускает из виду активную роль государства и центральных банков в этом процессе. Он часто изображает феодалов как монополистов, полностью подавляющих государство, игнорируя, почему государство добровольно поддерживает их через субсидии, налоговые льготы и другие формы финансирования. Эта односторонняя перспектива приводит к несбалансированному анализу, не учитывающему сложную динамику, при которой государство одновременно является и инициатором, и объектом влияния в процессе цифровой трансформации.

Со времени создания политических теорий суверенитета Жана Бодена, Гарольда Ласки и Карла Шмитта мир пережил серьёзные технологические трансформации, по этой причине не исключено, что традиционные западные концепции уже не имеют прежнего объяснительного и прогностического потенциалов. Можно предположить, что лучшие возможности имеют теоретические модели, посвященные цифровому суверенитету государства. Безусловно, тема суверенитета также имеет прямое отношение и к кругу вопросов, связанного с международными отношениями. Однако цифровую трансформацию суверенитета невозможно рассматривать в отрыве от цифрового изменения самого государства как политического института. Причем, тема цифрового суверенитета тесно пересекается с проблемой кибербезопасности государства. Некоторые западные исследователи опасаются, что современные государства сталкиваются с серьёзными рисками из-за роста влияния крупных технологических корпораций. Так, в новой концепции суверенитета как услуги (*sovereignty-as-a-service*) актуализируется проблематика возрастания влияния крупных корпораций на государства [31]. Корпоративный сектор начинает на своих условиях предоставлять государству разные платформенные возможности, «облачные» сервисы для укрепления цифрового суверенитета. В определённой доле данный подход дополняет модель технофеодализма Варуфакиса. Такие авторы как аргентинский исследователь Мартин Бесерра и американский ученый Сильвио Уэйсборд соотносят цифровой суверенитет с проявлением кибернационализма (*cybernationalism*) России, Китая, а также Ирана [17], необходимого их правительствам для оправдания своего влияния в Интернете. Однако такая позиция нуждается в критическом анализе.

В то время как «суверенитет как услуга» внешне выглядит как технологическое усиление, на деле он представляет собой переход фундаментальных прав суверенитета государства в пользу частных корпораций. Такой подход приводит к утрате государством контроля над критически важной цифровой инфраструктурой и средствами обеспечения

безопасности, создавая скрытую монополию капитала над публичным управлением. Не станут ли такие теоретические конструкции неким оправданием ослабления государства? Также надо прокомментировать и идею кибернационализма. С одной стороны, кибернационализм, как проявление, может означать популистскую и квазипатриотическую риторику, разделяя Интернет на «своих» и «чужих», порождая атмосферу недоверия и вражды. Такая исключительная логика игнорирует взаимосвязанную природу Интернета, может усугублять цифровое противостояние и конфликты между странами. С другой стороны, кибернационализм, как научная модель, стигматизирует определенные государства и обходит схожие тенденции в западных странах, в тех же США. Иными словами, модель кибернационализма выглядит несколько предвзятой.

С концепциями цифрового суверенитета связана новая теоретическая модель аппификации границ (appification of border), сфокусированная на пояснении тенденции развития «умных» границ государства, датификации (datafication) миграционного контроля и систем безопасности, внедрения цифровых, мобильных приложений (apps), доступных на смартфонах дипломатов, государственных служащих и политиков. Аппификацию канадские исследователи Кан Мутлу, Филип Фроуд и Бенджамин Мюллер связывают с тремя особенностями: (1) логикой тесной взаимосвязи технической и бюрократической инфраструктур границ, а также потребительских технологий, при которой цифровые приложения являются одновременным компонентом потребления и инструментом суверенной власти; (2) логикой эффективности, позволяющей государству осуществлять профилирование туристов, сокращать издержки; (3) логикой индивидуализации, означающей широкое внедрение персональных устройств, контролирующих мобильность кого-либо [41]. Очень близка к теории аппификации границ критическая модель виртуальных стен (virtual walls), описывающая использование «бесшовных» интеллектуальных систем, сторожевых дронов и башен. Модель критически сравнивает внедрение технологий искусственного интеллекта в системы пограничного контроля с алхимией [39].

Теория «аппификации границ», безусловно, раскрывает потенциал цифровых технологий в развитии секьюритизации, повышении эффективности национальной безопасности, однако она игнорирует уязвимость суверенитета, обусловленную чрезмерной зависимостью от технологий. Если государства станут слишком зависимыми от сторонних платформ и алгоритмов, они рискуют «отдавать» контроль над своими границами в аренду, тем самым теряя автономию над своими ключевыми политическими полномочиями. В отличие от этого, модель «виртуальных стен» рассматривает технологию как своего рода «алхимию», раскрывая её мифологизацию в контексте охранных систем. Однако такой подход также может переоценивать возможности технологий, игнорируя при этом человеческие факторы, правовые и этические нормы, а также необходимость международного сотрудничества в управлении границами (например, при решении проблем миграции, международной организованной преступности). Данная критика указывает на опасность слепой веры в технологический детерминизм, технологический прогресс без учёта реальных политических и гуманитарных ограничений.

Политическое участие

Третий западный теоретический кластер, который, по мнению авторов настоящей статьи, имеет серьезную значимость в современном академическом дискурсе, логично отнести к тезисам, гипотезам, концептуальным схемам цифровой трансформации политического участия, которое может быть как институциональным (в рамках существующей избирательной и партийной систем), так и внеинституциональным (протестным, радикально-мобилизационным). В этом кластере больше всего привлекают западных авторов темы цифровизации демократии, партий и лидерства. Встречается мнение, что цифровое, будучи изначально связанным с социальным, может всё же вызвать настоящую сингулярность - эпохальные изменения в организации социальных и политических отношений (но не обязательно в плане предположения Рэймонда Курцвейла). Взаимосвязь цифровой и

политической сфер способна формировать новые политические субъекты - активных пользователей, противников, существующих социальных, политических порядков, а также экстремистские политические организации. С другой стороны, цифровая информация полностью привязана к специфической инфраструктуре, ее алгоритмам и архивам. Цифровая сфера, согласно такой позиции [34], способна воплощать собственную политику цифрового, свои регуляторные эффекты и логики, предполагая практики захвата, обработки, хранения и анализа значимой для этих новых политических субъектов циркулирующей цифровой информации. Но как западные теории оценивают возможности развития демократии в условиях происходящей цифровой трансформации власти и политики?

Сама идея цифровизации демократии имеет в своём основании не только описанную ещё канадским политологом Крафордом Макферсоном эволюцию демократии через протекционную модель, модели развития, равновесия и участия, но и смену подходов к технологическим возможностям совершенствования демократии - от электронной и виртуальной демократии к сетевой демократии [19]. Теоретических подходов к обновлению демократической системы технологическими средствами сложилось довольно много. Это модели теледемократии Амитаи Этциони, интегральной технодемократии Марио Бунге, информационной демократии Мишеля Рокара, технополитики Дугласа Келлнера, мониторинговой демократии Джина Кина, цифровых агор Софии Ранчордас, демократии машины Джона Гастила, демократии данных Джейми Сасскинда. Но во всех теоретических построениях прослеживается несколько ключевых идей. По сути, если одни авторы видят в цифровых технологиях своеобразный шанс для создания более демократического будущего [35], то другие считают технологические новации лишь инструментом, который не может изменить сущность демократических систем. Не исключено, что последний подход лишь одностороннее развитие идеи канадского теоретика медиа Маршалла Маклюэна, считавшего медиа своеобразными расширениями человека. В то же время, разные исследования свидетельствуют о том, что цифровые медиа благоприятствуют неформальным политическим дискуссиям [48].

Следует обратить внимание на то, что во многих западных теориях, в том числе посвящённых трансформации демократии, преобладает нарратив метафор сети, сетевого общества, сложности общества, множественности связей, берущий за основу кибернетические идеи Уильяма Эшби, Стаффорда Бира, критику суверенной власти Мишеля Фуко [14]. Идеи сетевой власти также были популяризованы в своё время таким крупнейшим западным теоретиком как Мануэль Кастельс. Но нарративу сетевой сложности, цифровой демократии на основе сетевого взаимодействия так или иначе противостоит нарратив власти алгоритма, алгоритмизации власти, готового, predetermined алгоритмом, машиной политического решения. Не случайно нидерландский социолог Герт Ловинк критикует долгое время существовавший у западных авторов оптимизм по поводу развития сетевых коммуникаций, полагая, что цифровые платформы, владея сетями, серьезно ограничивают гражданскую активность [7, с. 92 - 105].

У американских авторов появляются попытки разработать гибридные модели цифровой демократии, в которых оффлайн- и онлайн-активность рассматриваются как взаимодополняющие друг друга формы политического участия. Идея гибридного участия означает, что онлайн-активность не вытесняет, а сопровождает традиционное политическое участие. Теоретическая схема гибридного участия предполагает, что политические дискуссии в онлайн способны все же содействовать политическому участию в оффлайн [50], хотя, безусловно, такие выводы требуют более солидного эмпирического обоснования. Со своей стороны, профессор Университета города Лидса Стивен Коулман описал модель демократических компетенций. Британский исследователь предположил, что демократия может развиваться в условиях цифровых коммуникаций, если граждане будут обладать специальными демократическими компетенциями: (1) быть способными понять политический мир; (2) быть открытыми к обмену мнениями, аргументами; (3) уметь восприниматься значимыми; (4) готовыми вносить значимый вклад [6, с. 89-113].

Теория демократических компетенций Коулмана, формулирующая квалификационные критерии участия граждан, выглядит слишком идеалистической в реальном мире, где доминируют технологические олигархии. Социальные сети и цифровые платформы подчиняются монополии крупных технологических компаний, которые посредством алгоритмов тонко подбирают контент и в значительной степени управляют информационным полем и установкой повестки дня. Иными словами, сами платформы могут трансформировать «разумное понимание» и «значимый вклад» в измеряемые поведенческие данные, тем самым переопределяя форму демократического участия. Если платформы не подвержены этим компетенциям, а движимы коммерческими и технологическими логиками, то действительно ли демократические способности могут оказывать реальное влияние на политическое принятие решений? Возникает вопрос, не ассимилируются ли эти способности в рамках технологических инструментов, превращаясь в новые технологические навыки, не становясь, по сути, независимыми политическим навыками? Пока западные теории не могут дать четкий рецепт, как алгоритмы, предиктивная аналитика, технологии Big Data, приводящие к автоматизации политического процесса, смогут сочетаться с западными либеральными институтами и теориями демократии.

Обращают на себя внимание и научные работы о цифровой трансформации партий. Так, модель внутренней и внешней цифровизации партии [40] сфокусирована на изучении отличий цифровых инструментов для целей внутрипартийной демократии от использования партиями цифровых коммуникаций с целью агитации. Для аргументации своей теоретической модели европейские исследователи обращаются к набору разных макро-, мезо- и микрофакторов, влияющих на цифровые изменения партий. Авторы пришли к выводу, что фактор межпартийной конкуренции благоприятствует как внешней, так и внутренней цифровизации. Менее конкурентная среда, по их мнению, напротив, препятствует цифровым изменениям партий. Их эмпирическая проверка показала, что крупные партии только немного больше обращаются к цифровизации, чем небольшие, тогда как правые партии менее склонны использовать цифровые технологии. Хелен Маргетс постаралась концептуализировать эти процессы в рамках модели киберпартии (cyber parties), сравнивая их с картельными партиями, ранее изученными Ричардом Кацем и Питером Мэйром, и отмечая у них не только наличие информационно-коммуникационных технологий для взаимодействия с избирателями, но и элементы картельного сговора, ориентацию на массового избирателя, необязательность четкого партийного членства [38].

И все же более качественная концептуализация цифровой трансформации партий, по нашему мнению, была проведена исследователем из Мадридского университета Комплутенсе Паоло Гербаудо [27; 28]. Гербаудо также использует категорию трансформации. В своей концепции цифровой партии он отмечает, что цифровая партия возникла в качестве ответа на запросы обновления существующих организационных форм политики и вызовы адаптации партий к цифровой эпохе. Цифровые партии, согласно Гербаудо, используют эффекты платформизации для ведения своих успешных медиакампаний. Появление цифровых партий обусловлено, по его предположению, надеждой на более демократическую политику посредством инструментов социальных сетей, при этом автор признает, что при цифровой трансформации существует неравенство между инсайдерами и аутсайдерами. Первые обладают хорошим уровнем цифровой коммуникации, а вторые нет.

Теория цифровой партии Гербаудо фиксирует живость новых сетевых форм организации, однако её оптимистическое утверждение о более демократичной политике через социальные сети заслуживает сомнений. Несмотря на то, что цифровые инструменты способны привлекать внимание, эти платформы по своей сути находятся под контролем крупных технологических компаний, а их алгоритмическая логика определяет видимость информации и формирование повестки дня. Такая структура приводит к тому, что «цифровые партии» больше напоминают политические эксперименты, подчинённые технологическим гигантам, чем независимые политические силы. Остаётся открытым вопрос, смогут ли они действительно достичь власти без традиционной организационной базы.

Политическая пропаганда

С одной стороны, исследования в сфере цифровой политической пропаганды сложно отнести к какому-то определенному кластеру работ, так как алгоритмы, искусственный интеллект в пропаганде могут использовать государство, государственные корпорации, партии или антиправительственные группы. С другой стороны, это все же довольно специфическая область, а появление больших языковых моделей, генеративных агентов, машинного обучения заставляет серьезно переосмыслить традиционные теоретические конструкции, в своё время разработанные западными исследователями. Широко известны в мировой науке, например, теория пропаганды Гарольда Лассуэлла, двухступенчатая модель коммуникации Пола Лазарсфельда, модель новой пропаганды Эдварда Бернейса, теория пропаганды Жака Эллюля, а также теория пропагандистских фильтров Эдварда Хермана и Ноама Хомского. В принципе, ни одна из подобных концепций не вступает в серьёзные противоречия с современными тенденциями использования технологий искусственного интеллекта в пропагандистском воздействии на массовое сознание. Тем не менее, их объяснительный и прогностический потенциалы могут снижаться, так как у цифровой пропаганды есть довольно специфические признаки, а именно: мгновенная кастомизация, адаптация контента под конкретную социальную группу или человека; ставка на автоматизированных социальных ботов; функционирование в режиме 24/7; использование эффекта «клипового мышления» с приоритетом потребления коротких текстов и видеороликов. Поэтому среди западных ученых появляются новые попытки концептуализации.

Так, авторы концепции компьютерной пропаганды Сэмюэл Вулли и Филипп Ховард полагают, что данный вид пропаганды на практике является совокупностью автономных агентов, платформ социальных сетей и больших данных, использующийся для манипулирования общественным мнением. Такая пропаганда учитывает сведения о пользовательском поведении, задействует их в идеологической работе автономных агентов [49]. Например, американские ученые разработали модель алгоритмической точности (algorithmic fidelity). Согласно этой модели, интеллектуальные системы (например, GPT-3 и более совершенные их версии) способны создавать довольно точные алгоритмические двойники различных социальных групп (silicon sampling) [13], коррелирующие с их предпочтениями, ценностями, в том числе политическими. В ходе эксперимента авторам концепции удалось добиться от GPT-3 качественной имитации ответов представителей американских демократов и республиканцев. Инициаторы эксперимента предупреждают, что технологии больших языковых моделей могут использоваться не только для научных, но и, к сожалению, для манипулятивных целей. Вероятно, по этой причине возникают попытки концептуализации наподобие теории теневой политики (shadow politics) [47], под которой профессор Мюнхенского университета Сахана Удупа понимает практики работы политических консультантов с данными, в том числе и проявляющиеся в приёмах дезинформации, теневом секторе цифрового влияния на массовое сознание.

Очень близки к теоретическим конструктам цифровой, алгоритмической пропаганды современные концепции, рассматривающие информационные (алгоритмические) войны. С 1990-х гг. большой интерес у западных исследователей вызывает разработка теоретических конструкций, объясняющих особенности, возможности и угрозы современных информационных войн. О сетевой войне писали Дэвид Ронфельдт (всё тот же автор концепции киберократии) и Джон Аркилла, концепцию сетецентрической войны раскрыли Артур Себровски и Джон Гарстка, тогда как на модели управляемого хаоса сосредоточился Стивен Манн. Концепцию киберсилы (cyber power) предложил американский политолог Джозеф Най. Французские аналитики Руди Гийонно и Арно Ле Дез, переосмыслив принципы теории войны Фердинанда Фоша, выдвинули более современную модель цифровой войны, обозначив роль киберкоманд, кибервоинов и технологий искусственного интеллекта в современном противоборстве государств [32]. Можно согласиться, что в отличие от

предыдущих концепций, теоретическая схема французских авторов лучше учитывает возрастание значения алгоритмов в политической сфере.

И все же современные западные теории цифровой пропаганды часто упускают из виду иррациональные факторы — культурные ценности, коллективную память и цивилизационные нарративы, идентичности. Они сосредоточены на технологиях и психологических манипуляциях, но редко исследуют, как конкретный культурный контекст формирует фундаментальные ценности аудитории. На самом деле, «точечный удар» алгоритмов по пользователям именно использует их культурно-психологический багаж. Таким образом, за исключением некоторых ярких, но ограниченных экспериментальных попыток, западные теории пропаганды по-прежнему лишены глубокого анализа цивилизационных конфликтов и фактора ценностных систем в кросс-культурном взаимодействии.

Международные отношения

Довольно специфическим кластером является совокупность работ, авторы которых рассматривают аспекты цифровой трансформации международных отношений. Как правило, это проблемы цифровой дипломатии, формирования цифрового международного порядка, цифровой геополитики. Но способны ли существующие теоретические модели в рамках политического реализма, неореализма, марксизма, конструктивизма, неолиберализма, постпозитивизма объяснить цифровые трансформации международных отношений, дипломатии?

Датские исследователи Ребекка Адлер-Ниссен и Кристин Анабель Эггелинг в своей статье раскрывают детали концепции смешанной дипломатии (*blended diplomacy*), акцентирующей внимание на так называемом двойном процессе: запутанности, переплетённости (*entanglement*) и профессиональной конкуренции (*contestation*) [10]. Авторы концепции критикуют модель гибридной дипломатии, а также не согласны с жёстким противопоставлением аналоговых и цифровых форм дипломатии. Запутанность отсылает к неизбежности цифровой стороны современной дипломатической работы, глубокой интегрированности цифровых процессов и устройств в профессиональную жизнь дипломатов. Также в рамках этой концепции в дипломатической деятельности разделяется горизонтальная работа (отделение «настоящей» дипломатии от другой активности) и вертикальная работа (обсуждение навыков, профессиональных рейтингов).

Концепция «смешанной дипломатии» — важное теоретическое новшество, которое напоминает нам, что цифровые технологии — это не просто «инструменты» дипломатии, а целая среда, меняющая логику дипломатической работы. Этот подход преодолевает традиционную дихотомию «аналоговое против цифрового», подчеркивая глубокую интеграцию и взаимозависимость этих форм. Однако данная теория может переоценивать позитивные стороны такой интеграции. Она упускает из виду ключевой риск: в условиях «переплетённости» дипломаты могут утратить независимость от информации, чрезмерно полагаясь на алгоритмы и социальные медиа, что ослабляет традиционное профессиональное суждение. Описываемое разделение на «горизонтальную» и «вертикальную» работу в реальной практике зачастую размыто, а прозрачность и контроль над цифровыми платформами порождают новые проблемы дисбаланса власти.

Не все современные теории цифровой дипломатии учитывают существующие тренды цифровой трансформации международного порядка, в которой не последнюю роль играют крупные технологические корпорации. Зато есть отдельные концепции, которые пытаются объяснить нюансы цифровой геополитики. Например, американский политолог Иэн Бреммер предложил модель технополярного порядка, согласно которой в настоящее время действуют несколько отдельных порядков — однополярный порядок США, а также тенденция геополитической и экономической активности крупных технологических корпораций, потенциально способных оказать влияние на становление нового мирового порядка, так как они конкурируют в цифровой сфере за собственную суверенность, предлагают информационно-военные технологии армиям разных стран, а также решают, каких политиков

подвергать цензуре в цифровых коммуникациях. Бреммер в своей концепции технополярного порядка (technopolar order) предлагает несколько сценариев: (1) технологическую холодную войну с расколом мира на две сферы влияния - США и Китая, правительства которых станут активно сотрудничать с технологическими корпорациями; (2) обретение крупными технологическими корпорациями, конкурирующими в геополитической сфере с самими государствами, суверенности в цифровом пространстве; (3) формирование поствестфальского технополярного порядка с ослабевшими государствами и мощной геополитической ролью крупных технологических корпораций [22].

Бенджамин Браттон из Калифорнийского университета в Сан Диего для анализа геополитических реалий разработал довольно оригинальную концепцию стека (stack). Исходя из его видения, стек — это некая случайно сформированная мегаструктура, превращающаяся в технологический аппарат для современной геополитической сферы. Стек предполагает принципы вычислений планетарного уровня, использующих данные от разных источников - энергетических источников, алгоритмов, роботов, датчиков, облачной инфраструктуры, городского программного обеспечения, самих пользователей и т.п. Все эти компоненты - от интеллектуальных сетей и «умных городов» до автоматизированных систем - становятся единым целым, трансформирующимся в новую управляющую архитектуру. Теоретическая модель Браттона предполагает шесть уровней анализа данного стека - «Земля», «Облако», «Город», «Адрес», «Интерфейс» и «Пользователь» [21]. Герт Ловинк пишет, что книга Браттона о стеке стала классикой для науки, как и монография о новых медиа Льва Мановича, так как продолжает ее, провоцирует дебаты и предлагает для исследователей полезное разделение на протоколы, приложения, данные и пользовательские интерфейсы [6, с. 175-179]. Правда, такой подход не является новым. Ведь ещё французский геополитик Ив Лакост в своё время предложил пространственный (диатопический) подход, анализирующий разные ансамбли (политические, демографические, языковые) через уровни пространства - от планетарного до уровня на сотни метров. Только в своем анализе Лакост не углублялся в проблемы цифровой трансформации геополитики.

К слову, Стив Рольф и Сет Шиндлер также развивают концепцию стека, ссылаясь на Браттона, более четко разделяя разные цифровые пространства - китайское и американское, - имеющих, по их мнению, геополитическую роль. Рольф и Шиндлер, оттолкнувшись от идеи государственного платформенного капитализма, отмечают, что такие формирующиеся национальные стеки являются, по сути, конкурирующими узлами цифровых государственных платформ, активность которых приводит к вовлечению в их сферу технологических секторов третьих стран. В итоге цифровые сверхдержавы стараются использовать свои стеки как инструменты осуществления экстерриториальной политической и экономической власти [44].

Модели технополярного порядка и стека совместно расширяют понимание постиндустриальной власти. Технологическая поляризация переводит крупные корпорации в роль конкурентов государств, объясняя «технологическую холодную войну» США и Китая, но сохраняет бинарную схему и недооценивает сложные зависимости и технологический детерминизм. Теория стека предлагает шесть уровней от «Земли» до «Облака», показывая проникновение кода в геополитику, однако остаётся абстрактной, утопичной и не решает вопрос понимания реального контроля и ответственности. Модель подчеркивает, что технологические гиганты могут формировать собственные стандарты и влиять на политические решения, однако часто упускает роль национального регулирования и международных договоров. Схема стека раскрывает взаимосвязи между физической инфраструктурой, облачными сервисами и пользовательским поведением, но не уточняет, как распределяется власть между провайдерами облаков, правительствами и гражданами. Оба подхода полезны для анализа текущих тенденций, однако их практическое применение ограничено из-за высокой абстракции и недостатка эмпирических данных.

Выводы

Формулируя основные выводы, следует перечислить несколько ключевых тезисов. Западные теоретические кластеры, посвящённые цифровой трансформации политической сферы и её политических процессов, при всём разнообразии подходов сходятся в том, что цифровые технологии вызывают глубокие изменения в структуре и природе власти. Политические процессы приобретают признаки алгоритмизации (роста влияния алгоритмов искусственного интеллекта на принятие политических решений) и автоматизации (снижения роли человека в разработке, принятии политических решений). Эти теории указывают на переход власти от традиционных государственных акторов к негосударственным, таким как крупные технологические корпорации, а также на возникновение новых форм доминирования, основанных на контроле над алгоритмами и данными — «социальной власти» и «инструментальной власти».

Однако этим теориям также свойственны общие объяснительные ограничения: такие аналитические рамки часто не способны полностью решить фундаментальный конфликт между «расширением возможностей» и «контролем» в процессе цифровой трансформации. При анализе эволюции структуры власти они могут недооценивать адаптивность и сложность традиционных политических субъектов (государств), одновременно переоценивая автономию и детерминизм технологической логики. Многие теории выявляют риск централизации контроля, исходящий от алгоритмов и крупных корпораций, и его конфликт с принципами демократии и суверенитета, однако предлагаемые решения или альтернативные видения (например, цифровая демократия) часто кажутся хрупкими перед реальностью алгоритмически предустановленной власти и неравномерной цифровой инфраструктуры. Кроме того, некоторые теории по-прежнему слабо концептуализируют (например, различие между цифровой авторитарностью и цифровым тоталитаризмом) и объясняют универсальность различных глобальных путей цифровизации.

В этих теориях при объяснении цифровой трансформации политических процессов широко наблюдается заметная тенденция технологического детерминизма. Эта тенденция проявляется в изображении цифровых технологий как некой силы изменений, обладающей внутренней и почти автономной логикой развития, чье влияние считается неизбежным и однонаправленным. Например, в теориях «алгократии» и «программируемой политики», алгоритмы часто представляются как доминирующие субъекты, реконструирующие социальные отношения и политические решения, в то время как политические и социальные институты рассматриваются как пассивно адаптирующаяся сторона. Такой нарратив подчеркивает гетерогенное воздействие технологий и их автоматическую логику, но при этом, к сожалению, игнорирует активную роль политических институтов, экономических структур и культурных норм в формировании процесса проектирования и применения технологий.

Такая детерминистская перспектива приводит к нескольким ключевым теоретическим слепым зонам и ограничениям. Во-первых, она может недооценивать устойчивость и регуляторную способность самой политики. Политические институты, правовые рамки и государственные стратегии играют ключевую роль в направлении, регулировании и даже противодействии определенным технологическим траекториям, в то время как нарратив технологического детерминизма часто упрощает или игнорирует это сложное взаимодействие. Во-вторых, подобная детерминистская рамка западных теорий недостаточно учитывает субъектность человека и множественность путей глобального развития. Теории часто фокусируются на макро-влиянии технологических структур, но не полностью включают дифференцированные стратегии, творческую адаптацию и практики сопротивления граждан, сообществ и различных регионов, возникающие в ответ на цифровую трансформацию. Наконец, внутри этой тенденции может существовать внутреннее противоречие: с одной стороны, предсказывается, что технологии приведут к децентрализации и расширению возможностей демократии (как в модели сетевой демократии), а, с другой стороны, изображаются новые формы высокоцентрализованного контроля, поддерживающиеся

алгоритмами и платформенным капиталом. В основном западные теории не предлагают адекватного примирения этих двух конфликтующих траекторий.

Кроме того, проведенный анализ подтвердил авторское предположение, что западные теории, рассматривая политическую сферу в рамках привычной категории цифровизации, описывают более фундаментальные, далекоидущие последствия для власти и политики, по сути, затрагивая цифровую трансформацию политических процессов. При этом дальнейшие шаги в анализе цифровой трансформации политических процессов ограничивает технологический детерминизм западных теоретических конструктов. Что говорит о необходимости переосмысления подобных теорий и их терминологического инструментария.

Таким образом, будущим теоретическим исследованиям необходимо выйти за рамки этого упрощенного детерминистского подхода и вместо этого принять более взаимосвязанную природу политики и технологий. Это означает необходимость более глубокого анализа того, как технологии формируются политико-экономическими силами, и как технологии, в свою очередь, преобразуют отношения власти и модели управления. Теоретические построения должны уделять больше внимания политическим вопросам ответственности, прозрачности и легитимности в цифровой трансформации, а не просто рассматривать технологии как заданное условие. В конечном счете, более сбалансированная аналитическая рамка должна сочетать акселерационную динамику технологий с учетом политической рефлексии, институциональной устойчивости и человеческой субъектности, чтобы обеспечить более полное и критическое понимание сложной реальности, множественности путей глобального развития и цифровой трансформации.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания Севастопольского государственного университета. Проект: «Образ будущего России: внутриполитические аспекты и внешнеполитический контекст», регистрационный номер 1026011800001-0-5.6.1.

Литература

1. Борисенков А.А. О политическом процессе // Социодинамика. - 2012. - № 3. - С. 101-129. DOI: 10.7256/2306-0158.2012.3.23.
2. Варуфакис Я. Технофеодализм: что убило капитализм. / Пер с англ. - М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. - 304 с.
3. Денисова Т.Ю. Апория судьбы или были ли греки фаталистами? // Идеи и идеалы. - 2014. - Т. 1. - № 3(21). - С. 57–70.
4. Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. - 2019. - Т. 29. - №6. - С. 85-116.
5. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. / Пер. с англ. - М.: Изд. Инст. Гайдара, 2022. - 784 с.
6. Коулман С. Может ли Интернет укрепить демократию? /Пер. с англ. - СПб.: Алетейя, 2018. - 132 с.
7. Ловинк Г. В плену платформы. Как нам вернуть себе интернет. /Пер. с англ. А. Карташов, Н. Котик. - М.: Ад Маргинем, 2024. - 232 с.
8. Маццукато М. Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике. / Пер. с англ. - М.: Изд. дом. ВШЭ, 2021. - 408 с.
9. Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории. / Сост. Н. Конеген, К. Шуберт. - М.: РОССПЭН, 2004. - 220 с.
10. Adler-Nissen R., Eggeling K.A. Blended Diplomacy: The Entanglement and Contestation of Digital Technologies in Everyday Diplomatic Practice // European Journal of International Relations. - 2022. - Vol. 28. - Iss. 3. - P. 640-666. - DOI: 10.1177/13540661221107837.
11. Amoore L. Because the twin is not a copy: On the politics of digital twins // New Media & Society. - 2025. - Vol. 27. - Iss. 8. - P. 4549-4564. - DOI: 10.1177/14614448251338284.
12. Aneesh A. Global labor: Algoratic modes of organization // Sociological Theory. - 2009. - Vol. 27.- Iss. 4. - P. 347-370. - DOI: 10.1111/j.1467-9558.2009.01352. x.

13. Argyle L.P., Busby E.C., Fulda N., Gubler J.R., Rytting C., Wingate D. Out of One, Many: Using Language Models to Simulate Human Samples // *Political Analysis*. - 2023. - Vol. 31. - Iss. 3. - P. 337-351. - DOI: 10.1017/pan.2023.2.
14. August V. Political ideas of the network society: why digitalization research needs critical conceptual analysis // *Zeitschrift für Politikwissenschaft*. - 2022. - Vol. - 32. - P. 313–335. - DOI: 10.1007/s41358-021-00305-z.
15. Beer D. The social power of algorithms // *Information, Communication & Society*. - 2017. - Vol. 20. - Iss. 1. - P. 1–13. - DOI: 10.1080/1369118X.2016.1216147.
16. Beer D. The problem of researching a recursive society: Algorithms, data coils and the looping of the social // *Big Data & Society*. - 2022. - Vol. 9. - Iss. 2. - DOI: 0.1177/20539517221104997. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20539517221104997> (дата обращения: 09.01.2026).
17. Becerra M., Waisbord S.R. The curious absence of cybernationalism in Latin America: Lessons for the study of digital sovereignty and governance // *Communication and the Public*. - 2021. - Vol. - 6. - Iss. 1-4. - P. 67-79.- DOI: 10.1177/20570473211046730.
18. Bellanova R. Digital, politics, and algorithms: Governing digital data through the lens of data protection: Governing digital data through the lens of data protection // *European Journal of Social Theory*. - 2016. - Vol. 20.- Iss. 3. - P. 329-347. - DOI: 10.1177/1368431016679167.
19. Berg S., Hofmann J. Digital democracy // *Internet Policy Review*. - 2021. - Vol. 10. - Iss. 4. DOI: 10.14763/2021.4.1612.
20. Berg S., Staemmler D., Thiel T. Political Theory of the Digital Constellation // *Zeitschrift für Politikwissenschaft*. - 2022. - Vol. 32. - P. 251-265. - DOI: 10.1007/s41358-022-00324-4.
21. Bratton B. *The Stack: On Software and Sovereignty*. - MIT Press, 2015. - 528 p.
22. Bremmer I. The Next Global Superpower Isn't Who You Think // *Foreign Policy*. 2023. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/06/17/china-russia-us-multipolar-world-technology/> (дата обращения: 09.01.2026).
23. Danaher J. The Threat of Algocracy: Reality, Resistance and Accommodation // *Philosophy and Technology*. - 2016. - Vol. 29. - Iss. 3. - P. 245-268. - DOI: 10.1007/s13347-015-0211-1.
24. Datta A. The digitalising state: Governing digitalisation-as-urbanisation in the Global South // *Progress in Human Geography*. - 2022. - Vol. 47. - Iss. 1. - P. 141-159. - DOI: 10.1177/03091325221141798.
25. *Digital Totalitarianism: Algorithms and Society*. / Ed. by M. Filimowicz. - London: Routledge, 2022. - 106 p.
26. Garbe L., Maerz S.F. The rise of authoritarian informationalism: escalating surveillance, manipulation, and control // *Democratization*. - 2026. - Vol. 33. - Iss. 1. - P. 1–18. - DOI: 10.1080/13510347.2025.2579105.
27. Gerbaudo P. *The Digital Party: Political Organisation and Online Democracy*. - Pluto Press, 2018. 240 p.
28. Gerbaudo P. *The Platform Party: The Transformation of Political Organisation in the Era of Big Data // Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data*. / Ed. Dave Chandler, Christian Fuchs. London: University of Westminster Press, 2019. - P. 187-198. - DOI: 10.25969/mediarep/11941.
29. Gidlund K.L., Sundberg L. Undisclosed creators of digitalization: A critical analysis of representational practices // *Information Polity*. - 2021. - Vol. 26. - Iss. 1. - P. 3-20. - DOI: 10.3233/IP-200230.
30. Goodwin J., Jasper J.M. Caught in a Winding, Snarling Vine: The Structural Bias of Political Process Theory // *Sociological Forum*. - 1999. - Vol. 14. - Iss. 1. - P. 27-54.
31. Grohmann R., Costa Barbosa A. Sovereignty-as-a-service: How big tech companies co-opt and redefines digital sovereignty // *Media, Culture & Society*. - 2025. - 0(0). - DOI: 10.1177/01634437251395003. URL: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/01634437251395003?__cf_chl_rt_tk=KvZMy4lmMFapgDIQwwpIGMIJi2GXN30Q8jLdgHjRI

32. Guyonneau R., Le Dez A. Artificial Intelligence in Digital Warfare: Introducing the Concept of the Cyberteammate // *The Cyber Defense Review*. 2019. - Vol. 4. - Iss. 2. - P. 103-116.
33. Hearn J., Niemistö C., Sjögren H. Hegemonic digitalisation in policy on older people: The Finnish case and wider social implications // *The Sociological Review*. - 2026. - 0(0). - DOI: 10.1177/00380261251397300.
URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/00380261251397300> (дата обращения: 09.01.2026).
34. Kaufmann M., Jeandesboz J. Politics and ‘the digital’: From singularity to specificity // *European Journal of Social Theory*. - 2016. - Vol. 20. - Iss. 3. - P. 309-328. - DOI: 10.1177/1368431016677976.
35. Kellner D. Globalisation from Below? Toward a Radical Democratic Technopolitics // *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*. - 1999. - Vol. 4. - Iss. 2. - P. 101-113. - DOI: 10.1080/09697259908572039.
36. Lechterman T.M. The Perfect Politician // *AI Morality*. Ed. by D. Edmonds. - Oxford: Oxford University Press. 2024. - P. 53-63.
37. Lindgren S., Kaun A. Programmable politics in the aftermaths of the pandemic // *Media, Culture & Society*. - 2024. - Vol. 47. - Iss. 3. - P. 613-623. - DOI: 10.1177/01634437241301616.
38. Margetts H. Cyber parties // *Handbook of Party Politics*. / Ed. by R.S. Katz, W. Crotty. SAGE Publications Ltd, 2006. - P. 528-535.
39. Milivojevic S. Artificial intelligence, illegalised mobility and lucrative alchemy of border utopia // *Criminology & Criminal Justice*. - 2022. - Vol. 2. - Iss. 2. - P. 630-648. - DOI: 10.1177/17488958221123855.
40. Mompó A., Meloni M., Barberà O., Lupato F., Sandri G., Nostitz von, F. When do parties go digital? Examining the drivers of internal and external party digitalisation // *Party Politics*. - 2025. - 0(0). - DOI: 10.1177/13540688251339977.
URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/13540688251339977> (дата обращения: 09.01.2026).
41. Mutlu C.E., Frowd P.M., Muller B. The appification of borders: Data, migration and digitalization // *Big Data & Society*. - 2025. - Vol. 12. - Iss. 2. - DOI: 10.1177/20539517251319996. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20539517251319996> (дата обращения: 09.01.2026).
42. Nemitz P. Constitutional democracy and technology in the age of artificial intelligence // *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*. - 2018. - Vol. 376. - Iss. 2133. - P. 20180089. - DOI: 10.1098/rsta.2018.0089.
43. Roberts T., Oosterom M. Digital authoritarianism: a systematic literature review // *Information Technology for Development*. - 2025. - Vol. 31. - Iss. 4. - P. 860–884. - DOI: 10.1080/02681102.2024.2425352.
44. Rolf S., Schindler S. The US–China rivalry and the emergence of state platform capitalism // *Environment and Planning A: Economy and Space*. - 2023. - Vol. 55. - Iss. 5. - P. 1255-1280. - DOI: 10.1177/0308518X221146545.
45. Ronfeldt D. Cyberocracy Is Coming // *The Information Society*. - 1992. - Vol. 8. - Iss. 4. - P. 243-296. - DOI: 10.1080/01972243.1992.9960123.
46. Trautendorfer J., Hohensinn L., Hilgers D. Contrasting Information Demand and Information Supply: Digital Platforms as Intermediaries of Citizen-Government Interaction // *Information Polity*. - 2025. - Vol. 30. - Iss. 4. - P. 321-337. - DOI: 10.1177/15701255251393049.
47. Udupa S. Shadow Politics: Commercial Digital Influencers, “Data,” and Disinformation in India // *Social Media + Society*. - 2024. - Vol. 10. - Iss. 1. - DOI: 10.1177/20563051231224719.
48. Vaccari C., Valeriani A. Digital Political Talk and Political Participation: Comparing Established and Third Wave Democracies // *Sage Open*. - 2018. - Vol. 8. - Iss. 2. - DOI: 10.1177/2158244018784986.

URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2158244018784986> (дата обращения: 09.01.2026).

49. Woolley S.C., Howard P.N. Political communication, computational propaganda, and autonomous agents - Introduction // *International Journal of Communication*. - 2016. - Vol. 10. - P. 4882–4890.
50. Zúñiga de, G.H., Veenstra A., Vraga, E., Shah D. Digital Democracy: Reimagining Pathways to Political Participation // *Journal of Information Technology & Politics*. - 2010. - Vol. 7. - Iss. 1. - P. 36–51. - DOI: 10.1080/19331680903316742.

References

1. Borisenkov A.A. O politicheskom protsesse [On the political process], *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 2012, I. 3, pp. 101–129, DOI: 10.7256/2306-0158.2012.3.23. (In Russian).
2. Varoufakis Y. Tekhnofeodalizm: chto ubilo kapitalizm [Technofeudalism: What killed capitalism], Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2025, 304 p. (In Russian).
3. Denisova T.Yu., Aporiia sud'by ili byli li greki fatalistami? [The aporia of fate or were the Greeks fatalists?], *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2014, V. 1, I. 3(21), pp. 57–70. (In Russian).
4. Dean J. Kommunizm ili neofeodalizm? [Communism or neo-feudalism?], *Logos* [Logos], 2019, V. 29, I. 6, pp. 85–116. (In Russian).
5. Zuboff S. Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti [The age of surveillance capitalism. The battle for the human future at the new frontiers of power], Moscow, Gaidar Institute Publishing House Publ., 2022, 784 p. (In Russian).
6. Coleman S. Mozhet li Internet ukrepit' demokratiyu? [Can the Internet strengthen democracy?], Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2018, 132 p. (In Russian).
7. Lovink G. V plenu platformy. Kak nam vernut' sebe internet [Captured by the platform. How to take back the internet], Moscow, Ad Marginem Publ., 2024, 232 p. (In Russian).
8. Mazzucato M. Tsennost' vseh veshchei: Sozdanie i iziatie v mirovoi ekonomike [The value of everything: Making and taking in the global economy], Moscow, HSE Publishing House Publ., 2021, 408 p. (In Russian).
9. Metodicheskie podkhody politologicheskogo issledovaniia i metateoreticheskie osnovy politicheskoi teorii [Methodological approaches to political science research and metatheoretical foundations of political theory], comp. by N. Konegen, K. Schubert, Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 220 p. (In Russian).
10. Adler-Nissen R., Eggeling K.A. Blended Diplomacy: The Entanglement and Contestation of Digital Technologies in Everyday Diplomatic Practice. *European Journal of International Relations*. 2022, V. 28, I. 3, pp. 640–666. DOI: 10.1177/13540661221107837.
11. Amore L., Because the twin is not a copy: On the politics of digital twins, *New Media & Society*. 2025, V. 27, I. 8, pp. 4549–4564. DOI: 10.1177/14614448251338284.
12. Aneesh A. Global labor: Algocratic modes of organization, *Sociological Theory*. 2009, V. 27, I. 4, pp. 347–370, DOI: 10.1111/j.1467-9558.2009.01352. x.
13. Argyle L.P., Busby E.C., Fulda N., Gubler J.R., Rytting C., Wingate D., Out of One, Many: Using Language Models to Simulate Human Samples, *Political Analysis*. 2023, V. 31, I. 3, pp. 337–351. DOI: 10.1017/pan.2023.2.
14. August V. Political ideas of the network society: why digitalization research needs critical conceptual analysis, *Zeitschrift für Politikwissenschaft*. 2022, V. 32, pp. 313–335. DOI: 10.1007/s41358-021-00305-z.
15. Beer D., The social power of algorithms, *Information, Communication & Society*. 2017, V. 20, I. 1, pp. 1–13. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1216147.
16. Beer D., The problem of researching a recursive society: Algorithms, data coils and the looping of the social, *Big Data & Society*. 2022, V. 9, I. 2. DOI: 10.1177/20539517221104997, Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20539517221104997>, Accessed: 09.01.2026.

17. Becerra M., Waisbord S.R. The curious absence of cybernationalism in Latin America: Lessons for the study of digital sovereignty and governance, *Communication and the Public*. 2021, V. 6, I. 1–4, pp. 67–79. DOI: 10.1177/20570473211046730.
18. Bellanova R. Digital, politics, and algorithms: Governing digital data through the lens of data protection, *European Journal of Social Theory*. 2016, V. 20, I. 3, pp. 329–347. DOI: 10.1177/1368431016679167.
19. Berg S., Hofmann J., Digital democracy, *Internet Policy Review*. 2021, V. 10, I. 4. DOI: 10.14763/2021.4.1612.
20. Berg S., Staemmler D., Thiel T. Political Theory of the Digital Constellation, *Zeitschrift für Politikwissenschaft*. 2022, V. 32, pp. 251–265.
21. Bratton B. *The Stack: On Software and Sovereignty*, MIT Press, 2015, 528 p.
22. Bremmer I. The Next Global Superpower Isn't Who You Think, *Foreign Policy*, 2023. Available at: <https://foreignpolicy.com/2023/06/17/china-russia-us-multipolar-world-technology/>, Accessed: 09.01.2026.
23. Danaher J. The Threat of Algocracy: Reality, Resistance and Accommodation, *Philosophy and Technology*. 2016, V. 29, I. 3, pp. 245–268. DOI: 10.1007/s13347-015-0211-1.
24. Datta A. The digitalising state: Governing digitalisation-as-urbanisation in the Global South, *Progress in Human Geography*. 2022, V. 47, I. 1, pp. 141–159. DOI: 10.1177/03091325221141798.
25. *Digital Totalitarianism: Algorithms and Society*, ed. by M. Filimowicz, London, Routledge Publ., 2022, 106 p.
26. Garbe L., Maerz S.F. The rise of authoritarian informationalism: escalating surveillance, manipulation, and control, *Democratization*. 2026, V. 33, I. 1, pp. 1–18. DOI: 10.1080/13510347.2025.2579105.
27. Gerbaudo P. *The Digital Party: Political Organisation and Online Democracy*, Pluto Press, 2018, 240 p.
28. Gerbaudo P. The Platform Party: The Transformation of Political Organisation in the Era of Big Data, in: *Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data*, ed. by Dave Chandler, Christian Fuchs, London, University of Westminster Press, 2019, pp. 187–198. DOI: 10.25969/mediarep/11941.
29. Gidlund K.L., Sundberg L. Undisclosed creators of digitalization: A critical analysis of representational practices, *Information Polity*, 2021, V. 26, I. 1, pp. 3–20, DOI: 10.3233/IP-200230.
30. Goodwin J., Jasper J.M., Caught in a Winding, Snarling Vine: The Structural Bias of Political Process Theory, *Sociological Forum*. 1999, V. 14, I. 1, pp. 27–54.
31. Grohmann R., Costa Barbosa A. Sovereignty-as-a-service: How big tech companies co-opt and redefines digital sovereignty, *Media, Culture & Society*. 2025, V. 0, I. 0. Available at: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/01634437251395003?__cf_chl_rt_tk=KvZMy4l mMFapgDIQwwpIGMIJi2GXN30Q8jLdgHjRIQc-1768418646-1.0.1.1-Qnt8bMdDB2hR88AxIeIj_9ihfeMKkcktyrnTMkafo20, Accessed: 09.01.2026.
32. Guyonneau R., Le Dez A. Artificial Intelligence in Digital Warfare: Introducing the Concept of the Cyber teammate, *The Cyber Defense Review*. 2019, V. 4, I. 2, pp. 103–116.
33. Hearn J., Niemistö C., Sjögren H. Hegemonic digitalisation in policy on older people: The Finnish case and wider social implications, *The Sociological Review*, 2026, V. 0, I. 0. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/00380261251397300>, Accessed: 09.01.2026.
34. Kaufmann M., Jeandesboz J. Politics and 'the digital': From singularity to specificity, *European Journal of Social Theory*. 2016, V. 20, I. 3, pp. 309–328. DOI: 10.1177/1368431016677976.
35. Kellner D., Globalisation from Below? Toward a Radical Democratic Technopolitics, *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*, 1999, V. 4, I. 2, pp. 101–113, DOI: 10.1080/09697259908572039.
36. Lechterman T.M. The Perfect Politician, in: *AI Morality*, ed. by D. Edmonds, Oxford, Oxford University Press, 2024, pp. 53–63.

37. Lindgren S, Kaun A, Programmable politics in the aftermaths of the pandemic, *Media, Culture & Society*, 2 Newton. 2024, V. 47, I. 3, pp. 613–623. DOI: 10.1177/01634437241301616.
38. Margetts H, Cyber parties, in: *Handbook of Party Politics*, ed. by R.S. Katz, W. Crotty, London, SAGE Publications Ltd, 2006, pp. 528–535.
39. Milivojevic S., Artificial intelligence, illegalised mobility and lucrative alchemy of border utopia, *Criminology & Criminal Justice*. 2022, V. 2, I. 2, pp. 630–648. DOI: 10.1177/17488958221123855.
40. Mompó A., Meloni M., Barberà O., Lupato F., Sandri G. Nostitz von F., When do parties go digital? Examining the drivers of internal and external party digitalisation, *Party Politics*, 2025, V. 0, I. 0. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/13540688251339977>, Accessed: 09.01.2026.
41. Mutlu C.E., Frowd P.M., Muller B. The appification of borders: Data, migration and digitalization, *Big Data & Society*, 2025, V. 12, I. 2. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20539517251319996>, Accessed: 09.01.2026.
42. Nemitz P. Constitutional democracy and technology in the age of artificial intelligence, *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*. 2018, V. 37, I. 2133, p. 20180089. DOI: 10.1098/rsta.2018.0089.
43. Roberts T., Oosterom M. Digital authoritarianism: a systematic literature review, *Information Technology for Development*. 2025, V. 31, I. 4, pp. 860–884. DOI: 10.1080/02681102.2024.2425352.
44. Rolf S., Schindler S. The US–China rivalry and the emergence of state platform capitalism, *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2023, V. 55, I. 5, pp. 1255–1280. DOI: 10.1177/0308518X221146545.
45. Ronfeldt D. Cyberocracy Is Coming, *The Information Society*. 1992, V. 8, I. 4, pp. 243–296. DOI: 10.1080/01972243.1992.9960123.
46. Trautendorfer J., Hohensinn L., Hilgers D., Contrasting Information Demand and Information Supply: Digital Platforms as Intermediaries of Citizen-Government Interaction, *Information Polity*. 2025, V. 30, I. 4, pp. 321–337. DOI: 10.1177/15701255251393049.
47. Udupa S. Shadow Politics: Commercial Digital Influencers, “Data,” and Disinformation in India, *Social Media + Society*, 2024, V. 10, I. 1. Available at: Accessed: 09.01.2026.
48. Vaccari C., Valeriani A. Digital Political Talk and Political Participation: Comparing Established and Third Wave Democracies, *Sage Open*, 2018, V. 8, I. 2. DOI: 10.1177/20563051231224719.
49. Woolley S.C., Howard P.N. Political communication, computational propaganda, and autonomous agents — Introduction, *International Journal of Communication*, 2016, V. 10, pp. 4882–4890.
50. Zúñiga de G.H., Veenstra A., Vraga E., Shah D. Digital Democracy: Reimagining Pathways to Political Participation, *Journal of Information Technology & Politics*. 2010, V. 7, I. 1, pp. 36–51. DOI: 10.1080/19331680903316742.